

Н

а божьих коровок — вот на кого они похожи в своих свободно облегчающих халатах и мешковатых пальто.

Однако выживаемость этого вида достойна изумления.

Когда утром нормальные люди спешат по делам, норовя побыстрее миновать кривенькие застройки времен электрификации всей страны — эти уже тут как тут, на посту у скрипучих калиток (не ложились, что ли?) со своими обшарпанными вениками, которыми они круглый год метут все подряд: пыль, листья, лужи и легкий южный снег. И ладно бы мели себе, сторонясь к хилому заборчику при виде спешащего человека; так нет же, норовят еще и вступить в беседу!

Очевидно, в голову каждой из них встроена флешка объемом с полтыщу гигабайт, а на флешке — подробнейшие сведения о каждом, с кем столкнула божью коровку жизнь. И если кто приостановится, пропуская пожилую даму с веником, а тем паче спросит дорогу — тут же попадает в базу данных.

Глаза у них светло-голубые, удивленно распахнутые, брови редкими клочочками. Ниже — лицо неопределенной степени изношенности, в обрамлении пегих некрашенных прядок. Порой на нем является широкая, довольно бессмысленная улыбка.

ка — родом из оптимистических советских открыток, из незапамятных лет, из времен лозунга «Миру — мир» на крыше универмага и детсадовской песенки «солнышко над горой, а в саду тропинка».

Голоса их надтреснуто-писклявые, приспособленные под примитивные вопросы: «Ну как ты там? А сестра? Ну, женщина, видная такая, в шубе, — то ж сестричка твоя? Ну я ж помню, двоюродная!» Но если передашь разговор сестричке и она при встрече рассеянно кивнет смутно знакомой тетке, та сначала радостно вскричит: «А-а, Надя! Надечка! Ну как же, помню, ты через дорогу жила, еще в музыкальную школу ходила, и косы носила такие богатые!», а через минуту, всмотревшись, обязательно ляпнет: «Да-а... стареем, стареем...»

Простые такие, прямо простейшие.

И ведь искренне стараются быть любезными. Станут этак поперек дороги, одарят тебя своим младенческим взором и озадачат ласковым вопросом: «Ну что, пришла зима (осень, весна)?» И так просияют всеми своими морщинками, словно сообщают о снижении тарифов на бензин.

И о чем с такой, спрашивается, можно говорить? Ну, кроме, конечно, прогноза погоды и рецептов соления огурцов. Хотя кто это в наше время солит огурцы, спрашивается? Когда их в любом гипермаркете — от пола до потолка! Но эти-то, божьи коровки, по супермаркетам не ездят. Их там даже как-то и не представишь — в ботинках «прощай молодость» и выдавшем виды платке концами назад, а из-под него торчат все те же некрашенные кудри.

Однако, бывает, неизвестно почему останавливаешься, как под гипнозом. И стоишь, и слушаешь, и вступаешь в бессмысленный диалог.

А уж они разливаются соловьем безо всяких ограничений. Мода и погода, наука и техника, физика и лирика — все у них разложено по полочкам. И в любой теме они как дома, со своими примерами из жизни, типа поломанных будильников или рассады синеньких. Услышат, к примеру, про нанотехнологическое медицинское средство — и тут же: «А мне вот кума тоже порошок женьшена дала для очищения организма!» И так уверенно шагают вперевалочку по жизни, настаивая ложку чудо-порошка на бутылке водки — даже завидно.

Одна такая у нас в доме жила, еще в моем детстве, тетей Тоней звали. Эта особенная была: непоседа. Даже все рецепты и дворовые новости обсуждала наскоро, переминаясь с ноги на ногу и подергивая острыми подростковыми плечиками. Двигалась же со скоростью опаздывающего на сеанс кинозрителя. И все дети знали: если вдруг проскочит мимо что-то пестренькое, в косынке — надо крикнуть вслед: «Здрасьте, тетя Тоня!» И тогда оно приостановится, обернется человеком женского пола, немолодых уже лет и тоже крикнет звонко: «Здравствуй, Танечка! Мариночка!» Улыбнется во все белые, с металлическими вкраплениями зубы, и веселые чертики запрыгают в глазах.

Тогда, между прочим, в пожилые годы особо не бегали. Дали тебе пенсию — и сиди себе на лавочке, за внуками приглядывай и обсуждай невестку. Или вертись у плиты, зятю обед готовь. Вечером программу «Время» смотри, если телевизор есть.

Но у этой тети Тони семьи почему-то не было, а была только мама, совсем уже дряхлая старушка с палочкой, да еще племянница приезжала летом. Ради них и нарезала Тоня круги по окрестным магазинам вплоть до Сенного рынка. А куда в остальное время мчалась она, неугомонная, в вечном ситцевом платице — подрабатывала ли уборщицей? бегала ли в

кино? на стадион «Динамо»? людей посмотреть? себя показать? — так и осталось неизвестным.

Старенькая ее мама умерла лет за девяносто. Помню еще, как однажды заехала в родительский двор уже с детской коляской и встретила тетю Тоню все там же — на полпути от подъезда до бывшей беседки, ныне автостоянки. Не сбавляя темпа, она кинула через плечо ответное «Здрась!», но в последнюю секунду разглядела знакомое лицо — никак соседка! — и дала обратный ход. Приблизилась и, глядя снизу вверх и улыбаясь во все, теперь уже сплошь металлические зубы, расхвалила мое платье и прическу, и коляску. Расспросила обстоятельно: кто муж, и где живем-работаем, и на кого ребенок похож. Поагукала, поумилялась. И на вопрос: «Ну, а вы как, тетя Тонь? Как здоровье?» — махнула сухонькой рукой: «А! Бегаю!» И встрепенувшись, блеснув глазами на прощание, умчалась догонять — место в очереди? стиральный порошок со скидкой? минувшие годы? или какое-то свое, уму непостижимое счастье? Только пестрое платьишко мелькнуло и скрылось за углом.

А я, неполных двадцати пяти лет от роду, вдруг почувствовала себя скучной затворницей...

Так до сих пор и теряюсь в догадках: что это было? Ранняя ли деменция особого вида? Неосознанная ли страсть к путешествиям? Или недооставшийся нашему двору кубок по легкой атлетике?

А еще была такая тетя Миля, полное имя Меланья. Тоже весьма возрастная но все еще статная, даже какая-то величественная, хоть и в обносках. Проживала в собственном домике размером метра три на четыре, безо всяких, само собой, удобств и даже без воды. «А зачем мне? — искренне удивлялась на вопрос о водопроводе. — Колонка же вон, на углу!» И, как водится, со всеми была на дружеской ноге: и с продавщицей в магазине, и с почтальоном, и с детской медсестрой, не говоря уже о соседях. Со всеми зналась, у всех интересовалась здоровьем, работой и успехами деток. Могла подсказать, как сделать торт из черствого хлеба, от всех болезней советовала настойку черноплодной рябины. Из старых чулок вязала рябенькие половики. И в любую погоду пребывала в добродушном настроении. Даже сыну-пропойце, бывало, выговаривала не злобно, а с какой-то размеренной напевностью: «Ну, что ж ты, Петя, на весь двор матерись? Люди же кругом!» А тот огрызался в басовом ключе: «Да разве ж это люди!»

От этого ее добродушного спокойствия иногда даже оторопь брала. Идешь, бывало, с двумя сумками белья, а она: «Ну как? Растет детвора? — И запросто, с улыбкой, голосом волшебницы из сказки: — Ой, да чего ты в эту прачечную таскаешь! Да принесла бы мне трусики-маечки, я бы простирнула!» Бралась, оказывается, людям стирать за копейки. Без водопровода! Носила ведра от колонки! Я, конечно, отказывалась в ужасе: дикость, средневековое какое-то...

А однажды вдруг остановила: «Что тебе сказать хочу... Давай вместе в саван сходим?» Я не сразу сообразила, о чем речь. Потом опешила: вот с этой старухой — в сауну? Куда подружки приглашали поплавать в бассейне, а я сослалась на занятость, потому что купальника приличного нет?

И отправиться туда с этой тетей Милей?

Вообще даже странно, почему просила именно меня. Едва знакомую соседку. Потому что молодая, здоровая, а одна она боялась париться? Или других тоже просила, и те отказались?

Так и не знаю, нашла она себе спутницу, сходила тогда «в саван» или

нет. Как-то и не встречались больше. А вскоре она умерла. Но почему-то застряло в памяти: вот стоит эта тетя Миля, улыбаясь добродушно-подслеповато, а я мнусь и отнекиваюсь, отводя глаза...

Или еще одна, из той же компании. С собакой. Бежишь, бывало, с утра пораньше к трамваю, и бац: в сумерках сквера две увесистые тени на газоне. Этакие дамища с собачицей. Собака, с виду вроде бы овчарка, уши торчком, но какая-то здоровенная, прямо необъятная, или так казалось в густой утренней тени? А хозяйка, как все они, в бесформенном пальто и галошах. Прогуливала свою питомицу, похоже, круглосуточно: вечером идешь с работы, а они все там же, несут свою вахту. Ну и, конечно, волей-неволей начали здороваться. Потому что реально невозможно не поздороваться, если человек каждый раз смотрит в упор. Да еще с таким выражением — ни дать ни взять родная тетя, которая тебя в детстве купала в цинковом корытце, за неимением ванной, и с тех пор так и смотрит с родственной тревогой: как бы не уронить!

И, конечно, незаметно втягиваешься в разговор. О собаке, понятное дело. Старуха своего пса называла, как иные деревенские женщины мужа — не по имени, а просто «он»: «Почки у него отказывают», «Мучается, бедный», «А как погуляем — ему легче». То есть у животного, я так поняла, было недержание мочи, а соседки-совладелки гнали со двора, ругались. Вот и приходилось им торчать в сквере с утра до ночи. Пес понуро и молча смотрел в землю — похоже, навеки потерял право голоса хозяйке. Зато та умудрялась в минутный разговор вставить и рецепт огурчиков, и давнишнюю поездку в Ялту, и торжественное такое «Меня мама учила!» Чему именно учила, не запомнилось, зато сразу представилась румяная, простенькая такая девушка в школьном фартуке, с этими вот старательными глазами.

А когда похолодало, она принялась бинтовать своего питомца деревним пуховым, свалявшимся в неряшливые клочья платком.

Не раз тянуло, конечно, намекнуть ей насчет ветеринарной помощи и гуманного усыпления животных. Но как-то все не было случая. А под Новый год контора наша переехала, так что волей-неволей пришлось брать в кредит машину и въезжать на ней в новый отрезок жизненного пути. И старуха с собакой, как и прочие ей подобные, постепенно отодвинулась в область фольклора.

И как раз в это время на месте убогих домишек принялись расти многоэтажки и торгово-развлекательные комплексы. Так что никто больше не елозит веником по асфальту и не останавливает тебя дурацкими вопросами.

Хотя вполне возможно, что некоторые представители рода простейших все еще существуют. Что само по себе, согласитесь, достижение. Сталинским пионеркам, пускай с палочками и в очках, подвязанных шнурком от ботинок, — дотянуть до компьютеров и айфонов! Со своими вечными баллонами огурцов — до эпохи суши и смузи! С перелицованными слева направо застешками мужниного пиджака — до футболок и джинсов унисекс!

Может, они вообще не ощущают новой эры? Не видят дальше своего носа? И тем спасаются, продолжая улыбаться блаженно?

Но вот мы, безупречно ухоженные и упакованные, мы, заточенные на эффективность и оптимизацию, мы, виртуозы коммуникабельности и ревнители личных границ — отчего мы-то — как двойные пружины в ортопедическом матрасе? Отчего вечером, только, наконец-то, упадешь в

постель — тут же в голове строчит автоматными очередями: опять не успела! забыла! и уже поздно справлять! и куда звонить с утра, врать жалким голосом, чтобы дали хоть малюсенькую отсрочку? Чтобы из последних сил все-таки добежать, схватить, заполнить, распечатать, отослать — и снова бежать, задыхаясь: голова кругом, челюсти сжаты, в висках стучит!

То есть бывают, конечно, и минуты расслабления. Например, кофебрейк, фуршет и даже барбекю. И даже корпоратив.

Не бывает только чаю с вареньем под неспешное тиканье круглого будильника. И еще простой кипяченой воды в пол-литровой банке, которую оставляла бабушка на столе каждый вечер: чтобы, набегавшись во дворе, иссыхая от летнего зноя, я в несколько блаженных глотков осушила ее — спасительную, теплую, чуть сладковатую, разом утоляющую жажду и все тревоги...

Впрочем, мы ходим на йогу и дарим друг другу книжечки в веселых обложках, с ободряющими названиями «Как победить стресс» и «Давайте жить позитивно!» А одна моя знакомая даже пишет диссертацию на тему «Счастье как философская категория бытия» или что-то в этом роде. Надо бы при случае расспросить ее: уж без пяти-то минут кандидат наук, думаю, должна быть в курсе!

Бывает, я прохожу через старый сквер и по привычке верчу головой. Но никакая бесформенная фигура не машет рукой из-за дерева, и ничей писклявый голос не окликает меня радостно, как старую знакомую. А иногда ни с того ни с сего приходит в голову: и почему даже имени ее не спросила? не дослушала — чему там ее учила мамаша? Ну просто интересно...

А однажды забрела в галантерейную лавочку — искала пуговицу для шубы. Этакая жестокая ирония судьбы: перемерять полмагазина шуб и в конце концов выбрать — с оторванной пуговицей! И хоть сейчас этих пуговиц везде миллион видов, обнаружить, что по закону подлости тебе требуется именно миллион первая.

Так что с утра пришлось обегать рынок, торговый комплекс и несметное множество магазинчиков швейной фурнитуры. Добрые люди, конечно, советовали не париться, а купить семь новых пуговиц и отнести в мастерскую пришить, но выходной-то все равно уже пропал!

И тут, в лавочке с фурнитурой, я ее и увидела. Старушка в коричневом жакете, похожем на мужской пиджак, сгорбилась над прилавком, что-то высматривая. Точь-в-точь такой жакет был у бабушки — старенький, вытертый на локтях, а на ощупь мягкий, ласковый, прижмешься — и будто по щеке погладит. И точно так же она, бывало, наклонялась к прилавку, выискивая какую-нибудь тесьму — будущее украшение моего платица или сарафана. И еще запах... От старушки вдруг отчетливо повеяло бесхитростным бабушкиным запахом: стопкой высушенных во дворе вафельных полотенец, приправой «хмели-сунели» и разноцветными клубочками старенькой шерсти, готовыми сплестись в узорчатую кофточку, которую мама потом не разрешила носить в школу — слишком яркая была.

Я придвинулась почти вплотную, с некоторым даже страхом всмотрелась... Ну, конечно, незнакомая старуха! И волосы лежат грубо, небрежно, а бабушкины легко и плавно охватывали голову и будто стекали в ровненькую серебристую спираль, заколотую пластмассовым гребешком. И лицом совершенно не похоже... да что вообще в голову-то взбрело?!

Но тут в глаза бросилась юбка того казенного темно-синего оттенка, который в моем детстве почему-то господствовал всюду: в рабочих халатах и ватниках, в президиумах и театрах... и у бабушки скучное темно-синее зимнее платье сменялось летним, синим в бело-серую крапинку, и подол вот так же чуть-чуть отвисал сзади...

И этот запах! Где же он хранился столько лет?!

Старушка между тем не без труда распрямилась и двинулась к двери, не выбрав ни пуговицы-броши, ни набора крючков, ни шкатулки для рукоделия. И я как привязанная потащила следом, путаясь в мыслях и воспоминаниях, вниз по ступенькам, по тротуару, мимо домов, через дорогу, то отставая, то опять кидаясь вдогонку, боясь потерять ее из виду... И казалось, стоит окликнуть ее, и она обернется ко мне — пусть чужая, другая, но *такая же* — и удивится, и будет всматриваться, подслеповато моргая, но все-таки узнает меня, и улыбнется, и скажет что-то забытое, что я слышала только в детстве — и больше никогда...

